

УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Татьяна Венедиктовна Ерова

*Канд. филос. наук,
доцент «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
Ивановский филиал,
г. Иваново, РФ*

Юрий Михайлович Воронов

*Доктор полит. Наук
заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Ивановский филиал,
г. Иваново, РФ*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассмотрены наиболее распространенные типы дискурсивных практик по одной из центральных тем - роли университета на современном этапе развития общества. В статье университет характеризуется через фреймы кризиса, разрыва, трансформации, диверсификации и агентуры в контексте Великой хартии европейских университетов. Выделяются важнейшие институциональные признаки университета: критическая междисциплинарность, коллективный самоанализ, целевое возрождение, стратегическая миссия, ангажированность, коммуникативная терпимость.

Ключевые слова: фрейм, университет, институциональный дискурс, власть.

Введение.

Воспроизводство интеллектуальных групп обеспечивается институтами науки, образования, социализации, среди которых важнейшая роль принадлежит университетам. Университет – одна из центральных тем интеллектуального дискурса [8]. Она обозначена фреймами кризиса, разрыва, трансформации, диверсификации, агентуры. Кризис во многом связан с поиском адекватного ответа «гумбольдтовского» университета на вызовы сетевого общества. Разрыв маркирован противоречиями в системе университетского образования. Фрейм трансформации фиксирует становление институтов интеллектуального сервиса, оказывающих экспертно-аналитические услуги. Типологическое разнообразие образовательных учреждений – результат процессов диверсификации. Агентура представлена «питомцами университета», группами университетариев от традиционной профессуры и студенчества до современных fast-thinkerov [2]. Рассмотрим тему подробнее.

Кризис «гумбольдтовской» модели.

Кризис университетского образования может быть диагностирован в глобальном масштабе как проявление общецивилизационных трендов, в масштабах национального государства – как результат тотальной перестройки общественной системы, в рамках социума – как распад институциональных структур, в сфере культуры – как смена моделей коммуникации и, наконец, как локальный феномен растущей дисфункциональности и общей деградации института. «Плач по гумбольдтовскому университету (университет умер, университет в руинах, "разжижение", падение университета...)» [12, 17] – наиболее распространенный симптом кризисной ситуации.

Фундаментальные принципы университета Гумбольдта – это академическая свобода и единство исследования и преподавания. Академическая свобода предполагает следующее: право на самоуправление под государственным правовым надзором, свободу преподавания для профессоров и доцентов, право поиска объективного культурного смысла государства как исторической величины и одновременно воспитание граждан как субъектов идентичности. Автономии университетской мысли угрожает «Сцилла чистого досуга», с одной стороны, а с другой – «Харибда утилитарности». Университет не является простым инструментом государственной политики. Он стремится воплотить мысль как действие, направленное к идеалу абсолютного знания. Тогда как государство должно реализовать действие как мысль, как идею нации. И оба этих института стремятся реализовать на практике идею национальной культуры.

Второй фундаментальный принцип гумбольдтовского проекта – единство исследования и преподавания, или «образование посредством науки». Все универсанты (учителя и ученики, преподаватели и студенты) должны быть исследователями. Исследование предполагает самостоятельный, свободный от внешнего авторитета поиск истины, а также рациональность, рефлексивность и критичность. Университет связывает воедино объективное знание и субъективное образование. Поэтому «Образование через науку» есть одновременно процесс становления личности, воспитание гражданственности и нравственности. «Единство исследования и преподавания» гарантировалось фигурой университетского преподавателя - исследователя, свободой выбора учебных курсов для студентов, институтом семинаров, тесной связью университета с исследовательскими организациями. Воспитательная миссия университета – традиционная тема размышлений о судьбах человеческой культуры в целом. Однако история показала, что принцип единства исследования и преподавания не удаётся сохранить в

рамках университета Гумбольдта. Наука вовлечена в процесс «расколдовывания мира», который предстаёт как чистая фактичность, лишённая смысла и нормативной силы. «Сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о *смысле* мира» [3, с. 731]. Такая наука не может быть ценностно ориентированным исследованием и, следовательно, не может «образовывать» человека в соответствии с гумбольдтовским идеалом. Специализация, рационализация, интеллектуализация, отставание университета от «требований дня» [3, с. 735]. Это Веберовское определение кризисной ситуации весьма актуально для многих российских университетов. Кроме того, эти процессы влекут за собой формализацию, приватизацию и идеологизацию образования. «Формализованное образование» обеспечивает индивидууму определённый социальный статус (человек с высшим образованием), унифицированные стереотипы поведения и перспективы карьерного роста. «Приватизация» обуславливает политическую индифферентность образованного человека, поскольку публичная сфера, общественно – значимая проблематика вытесняется за пределы университетских институций. Мировоззренческий и политический вакуум открывает дорогу идеологическому манипулированию. Идеология занимает «место духовного законодательства», и университет как «высокая школа, которая из научного знания и через научное знание берётся воспитывать и дисциплинировать вождей и хранителей судьбы немецкого народа» [15], обнаруживает свою несостоятельность.

М. Шелер связывает кризис университета с консерватизмом, корпоративной замкнутостью, политической ангажированностью, отрывом от потребностей широкого народного образования. «Университет *сам по себе* больше не является той константной надёжной величиной, какой он был прежде. Дело не только в том, что он сам и возникшие в его лоне академические профессии, преподаватели и студенты вынуждены вести тяжелейшую борьбу за существование как в экономическом плане, так и в плане своей социальной значимости, – но прежде всего в том, что университет видит себя как высшую школу для руководства, из-за которого он и попал в столь ужасное положение, оказавшись в широких масштабах как бы на скамье обвиняемых...» [16] Х. Ортега-и-Гассет выносит более жёсткий вердикт. В эпоху «восстания масс» университет должен быть ориентирован на среднего человека, поэтому исследование не является его базовой функцией. Кризис университета – в нелепости претензий на то, чтобы каждый студент становился учёным. Наука – занятие аристократическое, «...вещь столь возвышенная и тонкая, что просто не даёт приблизиться к себе среднему человеку. Она ждёт избранных» [11]. Необходимо разделить профессиональное образование и научное исследование. Тогда появится возможность преодолеть традиционные университетские недуги: иллюзии, утопизм, манию величия, тщетные попытки объять необъятное.

Продолжение дискуссии относительно предназначения современного университета ставит вопрос о поиске новой формы ответственности перед лицом «тотального подчинения Университета информационным технологиям» [6]. Симптом кризиса усматриваются в обскурантистской и нигилистической позиции традиционной профессуры по отношению к инновациям. «...Сам принцип разума чреват обскурантизмом и нигилизмом. Пагубные последствия этого ощутимы чуть ли не повсюду – и в Европе, и в Америке. Обскурантизмом и нигилизмом отличаются все те, кто мнят себя защитниками философии, литературы и гуманитарных наук, отрицая все новые подходы вопрошающего мышления, которые неразрывно связаны ...с возложением на себя новой ответственности» [6]. Эта ответственность, по мысли Деррида, устремлена и в прошлое, и в будущее; она призвана хранить память и обеспечивать шанс, поддерживать университетскую традицию и формировать профессиональную компетенцию. Это сложная, двойственная задача: новая ответственность предполагает «существование различных мест, некую дифференциальную топологию, подвижные постулаты, своего рода стратегический ритм» [6]; балансирование между законами рынка и технической компетентностью, с одной стороны, а с другой – альянсы, всегда проблематичные, разума и власти, академической мысли и политики.

Убеждённый оппонент и критик постмодернизма Дж. Сёрл диагностирует кризис университетского образования в связи с резким расхождением официальных деклараций о приверженности ценностям традиционного либерального образования и действительным положением дел в образовательных институтах. Особую тревогу профессора вызывает идея группового представительства. Если традиционный университет знакомил студента с универсальной культурой, предлагая ему осознать себя в качестве представителя человеческой цивилизации в целом, то современная система образования ориентирована на формирование расовой, этнической или гендерной идентичности. Личность становится таковой не в результате индивидуальных усилий по самоопределению, а благодаря тому, что представляет некоторую «правильную» социальную группу [13]. Цвет кожи и пол значат больше, чем интеллектуальный потенциал человека. Вместо «мирового гражданства» – узкий провинциализм и сектантство, расистские и сексистские предрассудки.

Перечень кризисных симптомов можно было бы продолжать, но их разнообразие требует анализа оснований. К числу последних могут быть отнесены фундаментальные разрывы и взаимоисключающие тенденции в развитии университетских институций (старое / новое, идеальное / реальное, фундаментальное / прикладное и др.). Классическая мысль [16, с. 66-70] усматривает, например, существенное противоречие в том, что университет

стал «застенчивым вузом». Превратившись в совокупность специализированных вузов и утратив качества "universitas", университет тем не менее желал бы оставаться учреждением, где «исследователи воспитывают исследователей». В результате страдает и профессиональное обучение, и исследовательская работа. Университеты, склонные к исследованию, чувствуют себя «перегруженными задачей трансляции учебного материала». Тогда как вопросам профессионального призвания, этики и ответственности не уделяется должного внимания. Другое противоречие связано с задачей духовного роста и формирования личности. Девальвация образовательной ценности университетской философии, превращённой в служанку специальной науки, никак не способствует достижению мировоззренческих целей. Ситуация усугубляется разрывом образовательных возможностей среди различных социальных слоёв.

Фрейм разрыва, каталогизирует антиномии университетского образования: 1) образование обеспечивает модернизацию общества и в то же время способствует сохранению социокультурных традиций; 2) доступ к образованию позволяет поддерживать общественную солидарность и в то же время усиливает конкуренцию в обществе; 3) образование выступает «социальным лифтом», способствует вертикальной мобильности и в то же время не обеспечивает повышения статуса для бедных, но способствует сохранению статуса богатых, т. е. блокирует вертикальную мобильность; 4) образование консолидирует общество, поскольку получение определённого образовательного уровня общедоступно, и в то же время атомизирует общество, поскольку доступность образования иллюзорна, а «хорошее» образование стоит дорого; 5) образование помогает стиранию границ между классами и в то же время устанавливает новые границы между ними; 6) образование способствует равенству людей, хотя бы на уровне их стартовых социальных возможностей, и в то же время усиливает неравенство, поскольку представляет собой ресурс, не поддающийся равномерному распределению; 7) образование даёт возможность всестороннего развития личности и раскрытия всех человеческих способностей и в то же время препятствует этому, формируя «узких» специалистов; 8) образование позволяет уменьшить отчуждение и в то же время ведёт к нему; 9) образование утверждает гуманистические принципы в отношениях между людьми и в то же время выступает инструментом притеснения и сегрегации [1].

С некоторой долей условности можно выделить мягкий и жёсткий сценарий преобразований. Мягкий вариант трансформаций оперирует «терминами хрупкости», жёсткий – апеллирует к экономическим категориям. Термины хрупкости: неопределённость, непредсказуемость, сомнительность, спорность, незнание, нестабильность, риск, беспорядок, непостоянство, беспокойство, – отражают противоречивые и неустойчивые риски. Университет может сохранить свои традиции только через их обновление, постоянную рефлекссию, корректировку ценностей и структурные трансформации.

Жёсткий сценарий реформирования образовательных институтов предполагает превращение университета в сервисную организацию. При этом декларируются конец эпохи классического образования, приоритет экономических универсалий, тотальность рынка, коммерциализация и «оптимизация» обучения, символизация капитала, капитализация информации, адаптация к «экономике знаний». Рынок требует определять миссию университета как «капитализацию человеческого в человеке». Формирование человеческого капитала не что иное, как преобразование личных качеств в конкурентные преимущества. А это означает тождество процессов социализации и капитализации [9]. Инструменты маркетинга превращают студента в «проект и бренд» [14], а университет – в «машину, необычайно алчно выскикивающую новые идеи и имена» [18]. Интеллектуальные «звёзды» образуют коммерческую витрину университета, их роли – создавать «торговую марку» учебного заведения и привлекать студентов [5]. Интеллектуальная мода – генератор инноватики в университетской среде – прямое следствие маркетинга образования. Ещё одно следствие – диверсификация образовательных учреждений.

Фрейм агентуры в рамках институционального дискурса противопоставляет «научного работника» «интеллектуалу» как роли не совместимой с профессиональной научной деятельностью. Интеллектуал здесь мыслится как «публичная фигура», идеологически и ценностно ангажированная [10].

Вывод.

Таким образом, анализируя фреймы кризиса, разрыва, трансформации, агентуры в институциональном дискурсе университетского образования можно сделать вывод о необходимости дальнейшего поиска адекватного ответа на вызовы современного мира; университет должен иметь моральную и интеллектуальную независимость по отношению к любой политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области исследования и образования в соответствии с первой статьёй Великой Хартии Европейских университетов. [4]. Последовательное проведение такой позиции может привести к появлению модели ноосферного университета, который будет максимально эффективно использовать современные цифровые технологические среды, искусственный интеллект и др. [7].

Список литературы

1. Ашкерев А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Изд-во «Европа», 2009. С. 23-24.
2. Бурдьё П. О телевидении и журналистике: пер. с франц. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред. Н. Шматко. М.: Фонд «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 44-46.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1999. С. 731-735
4. Великая Хартия университетов Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5680091/page:4/>
5. Воронов Ю.М. Политические аспекты проблемы устойчивого развития на постсоветском пространстве // Образование в области международных отношений в российском регионе: государственный стандарт и региональные особенности: Материалы семинара заведующих кафедрами и ведущих преподавателей университетов Российской Федерации, февраль – май 2003 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. С. 210-214.
6. Деррида Ж. Университет глазами его питомцев. [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_15.html. (20.04.09)
7. Ерова Т.В., Воронов Ю.М., Рожкова А.С. Мудрость толпы: дискурсивные стратегии и нарративы // Интеллигенция и мир №4. 2018. С. 43-61.
8. Ерова Т. Интеллигенция Проблемы идентификации и влияния. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 217 с. (Монография).
9. Ерова Т.В. Эсхатологический дискурс в интеллигентоведении // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 2 (55-56). С. 262-267.
10. Куренной В., Пономарёва Н., Турчик А. Институты // Мыслящая Россия: Интеллектуально-активная группа. М.: Наследие Евразии, 2008. С. 97.
11. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 2. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru>. (20.04.09)
12. Ридинг Б. Университет в руинах (главы из книги) [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/16/2004-1_16.html (06.03.09)
13. Сёрл Дж. Политика и гуманитарное образование. [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 1 Режим доступа: <http://magazines/russ.ru/oz/2002/1/se/html>. (15.04.2009)
14. Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 55.
15. Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета: пер. В.В. Библихина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gummer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Sam_nemUniv.php. (07.05.2009)
16. Шелер М. Университет и народный университет // Логос. 2005. № 6 (51). С. 60-70.
17. Шнедельбах Г. Университет Гумбольта [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 5-6. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/04-pdf>. (06.04.2009)
18. Ямпольский М. Личные заметки о научной институции. [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_16/html. (16.03.2009). Автор сравнивает американские и российские университеты с точки зрения механизмов дисциплинарного обновления и преемственности.